

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1977.4.03>

Ю. КАХК

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ И БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В 1975 году как в Западной Германии, так и в Австрии группами молодых историков были выпущены коллективные монографии, содержание которых ясно свидетельствует о тревоге их авторов по поводу нынешнего состояния исторической науки и поисках новых путей ее развития. Если в настоящее время молодой человек хочет найти свое призвание на поприще гуманитарных наук, пишут западногерманские историки, то часто истории он предпочитает социологию и политологию. «Наступление этих новых дисциплин за счет исторической науки дает основание заключить, что имеются недостатки в преподавании истории и, следовательно, в подготовке учителей истории и в конечном счете во всей исторической науке», продолжают эти авторы. «Особенно это ощущается в отношении немецкой исторической науки — из-за того, что историки не поддержали Веймарскую республику и пассивно отнеслись к нацизму, историческая наука дисквалифицировала себя и потеряла свои монопольные позиции в отношении политического образования».¹ Кризис позитивистского подхода к истории отнюдь не случаен, пишут австрийские ученые, он является закономерным отражением определенного «... момента в истории буржуазного общества, идущего к своему концу, потеряв уверенность в себе, и лишившегося реальной почвы под ногами...»² О том, что мы имеем дело с «кризисом истории», корни которого следует искать в самой исторической науке, пишут и западногерманские авторы.³

Английский историк Г. С. Джоунс отмечает, что с конца 1950-х годов широко распространилось «... хотя только слегка выраженное, но всеобщее недовольство состоянием истории как науки и учебной дисциплины, так и тем, как она преподавалась.»⁴

Нам трудно судить, когда, как и почему возникло такое чувство «разочарования в истории» у цитированных авторов. Составители западногерманского «Введения в историческую науку» пишут, что их толкнули на подобные размышления собственный опыт, накопленный при работе со студентами в качестве ассистентов, и требования, выдвинутые представителями демократического студенческого движения.⁵ Но одно заме-

¹ P. Borowsky, B. Vogel, H. Wunder, Einführung in die Geschichtswissenschaft I: Grundprobleme, Arbeitsorganisation, Hilfsmittel. Opladen, 1975, стр. 11.

² H. Wolfram, K. Brunner, Vorschläge für ein Studium der Geschichte, Salzburg, 1975, стр. 35.

³ P. Borowsky, B. Vogel, H. Wunder, Einführung in die Geschichtswissenschaft I, стр. 12.

⁴ G. S. Jones, From historical sociology to theoretical history. «British Journal of Sociology», Vol. 27, No. 3, стр. 299.

⁵ P. Borowsky, B. Vogel, H. Wunder, Einführung in die Geschichtswissenschaft I, стр. 7.

чание, встречающееся в их же книге, проливает дополнительный свет на обстановку зарождения этих идей. В период «холодной войны» у западногерманских профессоров истории сложилась традиция отрицания марксизма как теории и замалчивания всех завоеваний исторической науки в Германской Демократической Республике. Как протест против такого отношения в «наши дни во многих вузах Федеративной Республики студенты ... опираются при составлении своих семинарских работ отчасти или даже исключительно только на труды историков ГДР и считают излишним серьезно заниматься произведениями традиционной исторической науки».⁶ Студенческая молодежь искала новое слово в исторической науке, теории для объяснения исторических процессов — в результате этих поисков родилось стремление к обновлению исторической науки. Вместе с тем рос интерес к марксистско-ленинской теории.

Не все буржуазные историки прибегали к таким категорическим формулировкам, как «кризис истории», но попытки обогатить и обновить историческую науку наблюдались уже с начала 1960-х годов и продолжают в настоящее время. Прежде всего они проявились в стремлении сблизить историю с другими дисциплинами — прежде всего с социологией — и применить к ней методы и приемы других наук. «Я бы утверждал», — сказал английский историк Э. Карр в своих лекциях, прочитанных в 1961 году в Кембриджском университете, — «что чем более социологической становится история и чем более исторической социология, тем лучше для них обеих».⁷ Финский социолог Э. Алларт в 1966 году писал о том, что в будущем как своеобразный гибрид социологии и истории может возникнуть какая-то совсем новая наука.⁸ «Трудно объяснить то, что в настоящее время в исторической науке столь большой интерес проявляется к проблемам магических и суеверных представлений, народной культуры, семьи, городских и сельских регионов без того, чтобы не предположить, что тут по крайней мере опосредованно оказали свое влияние социология и социальная антропология».⁹

Признаком новых поисков в буржуазной исторической науке можно считать и широкое распространение количественных методов (эта тематика в свое время рассматривалась нами в специальной статье и поэтому мы в данном случае на этих вопросах не останавливаемся¹⁰), вокруг чего разгорелись оживленные споры. При этом споры, как не без основания указывает Г. С. Джоунс, по существу оказались беспочвенными. Разделение историков на «количественников» и «неколичественников» он называет «бессмысленным, но пагубным», потому что не там «проходила граница между историческим прогрессом и реакцией».¹¹

Где же она тогда проходила, по мнению Джоунса? Эта граница по существу разделяла принятие или непринятие марксистской теории, «Большая часть творческих и открывающих новые пути исторических исследований была сосредоточена в 1950-х годах вокруг марксистско ориентированного журнала «Past and Present»»¹², — пишет он. Но эти работы не получили дальнейшего развития и «отстранившиеся от неправильно понятого ими марксизма» историки пошли по пути механического

⁶ Там же, стр. 88.

⁷ Е. Н. Сагг, *What is History?* London, 1964, стр. 66.

⁸ E. Allardt, *Historian ja sosiologian suhde*. «Historiallinen aikakauskirja», 1966, № 3, стр. 198—199.

⁹ G. S. Jones, *From historical sociology to theoretical history*, стр. 300.

¹⁰ Ю. Какк, *Нужна ли новая историческая наука?* «Вопросы истории», 1969, № 3, стр. 41—54.

¹¹ G. S. Jones, *From historical sociology to theoretical history*, стр. 303.

¹² Там же, стр. 229.

заимствования методов социологии, а это не привело пока ни к чему иному, кроме эклектицизма.¹³

О том, что историки пострадали именно потому, что им не хватило теории для объяснения исторических процессов, писали и, как мы видим, молодые западногерманские ученые. «Историческая наука проходила своеобразное двоякое развитие», — пишет бельгийский историк экономики Х. Ван дер Вээ. — «Она усвоила многие результаты, которые были достигнуты в других областях наук, занимающихся человеком, и была восприимчива к методологическим новшествам. Но с другой стороны, можно было наблюдать нерешительность и сопротивление. Нерешительность проявилась прежде всего в области методологии исторических исследований».¹⁴

«Только тогда, когда марксистская критика была внесена в историю, сложный и запутанный поток событий в человеческих обществах начал приобретать гораздо большее значение, чем это казалось историкам классики или науки и даже людям описываемых ими времен. Теперь история представляется понятной схемой и не является просто «шумом и яростью, ничего не означающим»,» — писал Дж. Бернал уже в 1954 году. — «В самом деле, работа историков-марксистов ощущается уже во всех областях истории. Единственный способ ее влияния избежать — это свести историю к тривиальностям деяний отдельных личностей или возвратить ее к божественной точке зрения, согласно которой ее развитие определяется провидением.»¹⁵

Марксистская теория, писал в 1964 году норвежский историк Х. Кохт, «оставила глубокий след на всем дальнейшем историческом мышлении.»¹⁶

В последние годы можно явно наблюдать, что некоторые буржуазные историки начинают признавать правильность выдвинутых и обоснованных В. И. Лениным принципов партийности истории.

Когда вы имеете дело с каким-то источником истории, пишут западногерманские авторы «Введения в историческую науку», вы должны решить вопрос о «политической и мировоззренческой точке зрения» как составителя этого источника, так и исследовавших его до вас историков. «Уже давно признано, что существует связь между выбором темы, постановкой проблемы и стилем работы историка, с одной стороны, и между его политико-общественным окружением.»¹⁷ Ссылаясь на труды Маркса, австрийские историки пишут, что в классовом обществе каждая социальная группа защищает свои интересы и пренебрежение этим или не учитывание этого обстоятельства при работе с историческими источниками может привести лишь к формализму.¹⁸

В отношении одного наиболее широко дискутируемого американскими историками исследовательского приема — метода альтернативных количественных моделей — можно с уверенностью утверждать, что принципы рационального и правильного применения его были выработаны уже В. И. Лениным.

Что можно считать специфическим в ленинском построении сравнительных моделей исторического развития?

¹³ Там же, стр. 300—303.

¹⁴ H. van der Wee, *Perspektiven und Grenzen wirtschaftshistorischer Betrachtungsweise — Methodologische Betrachtungen*. «Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», 1975, I, стр. 14.

¹⁵ Дж. Бернал, *Наука в истории общества*. М., 1956, стр. 646.

¹⁶ H. Kohlt, *Driving forces in history*. Massachusetts, 1964, стр. 82.

¹⁷ P. Borowsky, B. Vogel, H. Wunder, *Einführung in die Geschichtswissenschaft I*, стр. 158.

¹⁸ H. Wolfram, K. Brunner, *Vorschläge für ein Studium der Geschichte*, стр. 29, 31.

Прежде всего и преимущественно то, что мы имеем дело не с какими-либо абстрактно-выдуманнами, а с вырастающими из исторической действительности моделями, которые отражают реально возможные варианты существующих тенденций.

Метод построения модели гипотетических исторических альтернатив был блестяще применен В. И. Лениным в 1907—1908 гг. при изучении аграрного вопроса в России и разработке теории двух путей развития капитализма в земледелии. При этом В. И. Ленин с самого начала исходил из конкретного статистического материала. Приведя цифровые данные изданного Центральным статистическим комитетом в 1907 году сборника «Статистика землевладения 1905 года», он обрисовал реально существующую картину крайне крепостнического и несправедливого разделения земли: «Таков исходный пункт борьбы крестьян (7—15 дес. на двор плюс кабальная аренда и т. д.) против крупнейших помещиков (2333 дес. на экономию)».¹⁹ Этому разделению земли он противопоставляет гипотетически возможное разделение в результате революционного «черного передела».

«Какова объективная тенденция *конечного* пункта этой борьбы?» — спрашивает Ленин в отношении борьбы крестьян против пережитков крепостничества. И отвечает: «Очевидно, что эта тенденция состоит в уничтожении крупнопомещичьего крепостнического землевладения, в переходе его (на тех или иных началах) к крестьянам... Чтобы выразить эту тенденцию в такой же наглядной схеме, которую мы привели для изображения исходного пункта борьбы, т. е. теперешнего положения вещей, следует взять *лучший мыслимый* случай, т. е. все земли крепостнических латифундий и все нераспределенные по владениям земли предположить перешедшими в руки разоренного крестьянства».²⁰ И после этого на основе указанных уже статистических данных В. И. Ленин вычисляет гипотетически возможный вариант распределения земли, резюмируя сравнение реально существующей и гипотетической структуры землевладения словами: «Таков исходный пункт этой борьбы и ее тенденция, т. е. ее конечный пункт, ее результат в лучшем, с точки зрения борющихся, случае».²¹

Во всем процессе развития капитализма в земледелии для Ленина намечается два возможных — реально существующий (т. н. прусский) и гипотетически возможный (т. н. американский) — пути развития. Характеризуя их, В. И. Ленин часто пользуется формулировкой «если бы»²², которая с точки зрения традиционной буржуазной историографии того времени (а во многом и в настоящее время) является противопоставленной и еретической.

Уже более столетия назад В. И. Ленин дал нам блестящий пример того, как при помощи построения моделей гипотетических результатов общественно-экономического развития и политической борьбы можно посредством математических моделей изучать и с математической точностью измерять прогрессивное значение такого фактора, как классовая борьба народных масс. Применение этой методики отнюдь не означает конструирование какого-либо выдуманного псевдопрошлого. Оно просто позволяет нам лучше (и точнее) понять (и оценить) процессы и явления — кроме названной уже классовой борьбы, такие, например, как тормозящее влияние пережитков или результаты различного рода реформ.

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 203—204.

²⁰ Там же, стр. 204.

²¹ Там же, стр. 205.

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 77 и 150.

«Маркс дает нам синтез объективных законов и сознательного стремления осуществить их...»²³, — сказал Э. Карр в своих лекциях 1961 года. После него многие историки подчеркивают значение марксистской теории и указывают на то, что она стоит на принципиально более высоком уровне, чем выработанные современными исследователями теории и методологические подходы. «Историческая теория может претендовать на решение общесоциальных проблем, как, например, исторический материализм», — пишут западногерманские историки, — «или представлять собой теории «среднего охвата», как, например, ... теории империализма или теория экономического роста (имеется в виду известная теория стадий экономического роста В. Ростоу)».²⁴ Отдавая дань заслугам французской исторической школы журнала «Анналов», Х. Ван дер Вее отмечает, что «... французская школа все же в основном движется на уровне описаний... Маркс не только исходил из точки зрения, соединяющей аспекты многих дисциплин, но переработал их в глобальную теорию, способную объяснить всю действительность». Он указывает, что «социально-экономические гипотезы Маркса до сих пор не могут быть заменены никакими другими глобальными макромоделами...»²⁵

В принятом Центральным Комитетом Коммунистической Партии Советского Союза решении «О 60-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции» говорится о тех огромных изменениях, которые за шесть последних десятилетий произошли не только в нашей стране, но и во всем мире. К ним относится и все растущий авторитет марксизма-ленинизма, в том числе и все усиливающееся влияние его на развитие исторической науки во всем мире.

Нам думается, что и приведенные в настоящей небольшой статье материалы свидетельствуют о том, как сильно сказывается влияние марксизма на развитии передовых тенденций в исторической науке буржуазных стран.

²³ E. H. Carr, What is History, стр. 136.

²⁴ P. Bogowsky, B. Vogel, H. Wunder, Einführung in die Geschichtswissenschaft II, стр. 124.

²⁵ H. van der Wee, Perspektiven und Grenzen wirtschaftshistorischer Betrachtungsweise, стр. 15, 17.

Поступила в редакцию
6/V 1977

J. KAHK

UUSI NÄHTUSI MARKSISTLIKU TEOORIA JA KODANLIKU AJALOOTEADUSE SUHETES

Resüme

Viimastel aastatel on paljudes Suurbritannia, Saksa Föderatiivse Vabariigi ja Austria teaduslikes väljaannetes avaldatud pessimistlikke mõtteid nn. ajaloo kriisi üle ning rahulolematust põhjaneva teooria puudumise pärast ajalooteaduses. On autoreid, kes pooldavad teiste teadusharude meetodite kasutamist ajaloos või kaaluvad ajaloo ning sotsioloogia ühtesulatamise võimalust. Leidub ka väiteid, et kõige paremini sobib ajaloo uurimustes kasutada marksistlikku teooriat. USA ajaloolased ongi ökonomeetriliste meetodite ja alternatiivse arengu mudelite abil töötades tegelikult kasutanud neid põhimõtteid, mida V. I. Lenin 20. sajandi algul rakendas Venemaa agraarse arengu alternatiivsete meetodite käsitlemisel.

Toimetusse saabunud
6. V 1977

J. KAHK

SOME NEW PHENOMENA IN THE RELATIONS BETWEEN MARXIST THEORY AND THE BOURGEOIS HISTORICAL SCIENCE

Summary

In recent years in many articles and books published in Great Britain, Federal Republic of Germany and Austria one can find pessimistical ideas about a "crisis of history" and dissatisfaction with the absence of a fundamental theory in historical science. Some authors are expressing ideas about the necessity of using the methods of other sciences in history or about "fusing" history and sociology.

But one can likewise find statements that Marxist theory represents the best theory that can be used in historical research. Using econometric methods and models of alternative development, American historians (R. Fogel a. o.) were in essence repeating some of the principles that had been applied by V. Lenin when dealing with alternative methods of agrarian development in Russia at the beginning of the 20th century.

Finally, one can state that the influence of Marxist theory upon bourgeois historical science has been increasing from year to year.

Received
May 6, 1977